

Е. О. Непоклонова

«СЕМИРАМИДА» А. С. ХОМЯКОВА В КОНТЕКСТЕ ЕГО РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИСКАНИЙ

Статья посвящена изучению «Семирамиды» в контексте поэтического творчества А. С. Хомякова. Выявляются особенности организации авторского диалога с читателем в «Семирамиде» и в поэзии 1840–1850-х гг., благодаря чему становятся очевидными взаимосвязи художественного мира лирики Хомякова и того «образа мира», который моделируется в его историософском сочинении. Обнаруживаются темы, мотивы и авторские интенции, объединяющие поэзию и историософию Хомякова и тем самым позволяющие в процессе сопоставления приблизиться к пониманию авторского мироощущения, воплощенного в различных сферах творчества. В статье показывается, что и в поэзии, и в «Семирамиде» Хомяков моделирует некую особую среду общения, способную предельно сблизить, объединить автора и читателя, помочь читателю преодолеть любое наперед заданное мнение, предвзятость, недоверие и ощутить радость поиска истины в «единстве взаимной любви». В связи с этим основное внимание в статье уделяется проблеме организации в «Семирамиде» и в поэтических произведениях диалогических взаимоотношений автора и читателя, выстраиваемых в соответствии с характерным для Хомякова пониманием общения как главного условия истинного познания.

Ключевые слова: А. С. Хомяков, «Семирамида», поэзия, славянофилы, славяне, диалог, диалогические отношения, Ю. Самарин, историософия, богословие, общение, единство.

О «Семирамиде» написано немного; это произведение остается уникальным и во многом неразгаданным творением А. С. Хомякова, которое, несмотря на предельно диалогическую позицию автора по отношению к читателю, вместе с тем обладает определенной долей сопротивления любым попыткам однозначных определений, законченных интерпретаций. В «Семирамиде» есть внутренний механизм защиты по отношению к попыткам извлечь общую концепцию и однозначно определить основные положения, лежащие в основе авторских рассуждений; понимание этого произведения ближе к пониманию произведения художественного, которое замечательно определил Л. Н. Толстой, когда ему был задан вопрос о смысле романа «Анна Каренина»: «Если же бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом, то я должен был бы написать роман тот самый, который я написал, сначала»¹.

Действительно, многочисленные попытки исследователей извлечь из «Семирамиды» отдельные положения и на их основе определить авторскую концепцию, например «учение об иранстве и кушитстве»², не приводят к успешным результатам, а лишь обнаруживают тотальную непроясненность авторской мысли, поскольку в этом произведении реализуются принципиально иные авторские стратегии, отличные от установок автора научного или публицистического сочинения: Хомяков стремится не столько представить читателю логически выверенную концепцию,

Елена Олеговна Непоклонова — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования (elenaneocom@gmail.com).

¹ Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. М., 1984. Т. 18. С. 784–786.

² Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. М., 1912. С. 123.

прояснить наиболее значимые понятия, убедить в верности применяемых методов, сколько организовать особые отношения с читателем, главное в которых — общение, движимое «единством взаимной любви», основанное на безусловном доверии, отказе от предзаданных установок и стремлении к субъект-субъектному соединению в процессе познания; результатом такого единения автора и читателя должно стать «живознание» как целостное, межличностное взаимодействие читателя и автора, позволяющее читателю «достраивать» авторские положения, самостоятельно прояснять недоговоренное, угадывать и сопереживать заветным «думам и чувствованиям» автора, развивать и отстаивать его идеи.

Для того чтобы понять, как выстраивается Хомяковым такая модель взаимоотношений автора и читателя, представляется необходимым соотнести «Семирамиду» с поэтическим творчеством Хомякова 1840–1850-х гг. XIX в. Как правило, поэзию А. С. Хомякова рассматривают как одну из значимых составляющих его мировоззрения и творчества, в неразрывной связи с другими сферами, в частности, в контексте его историсофских построений. При таком подходе исследователи легко обнаруживают темы, мотивы, проблематику, проявившиеся как в поэзии, так и в сочинениях, посвященных историческим вопросам: темы человеческого братства, родства славянских народов, народного самоотречения и подвига, вины и раскаяния, веры как волевого самоопределения народа, определяющего ход истории... Любое сочинение Хомякова может быть легко проиллюстрировано и регулярно иллюстрируется его поэтическими строками, как будто автор говорит об одном и том же всеми доступными ему средствами словесного самовыражения. Эти взаимосвязи подкрепляются, как правило, ссылками на постулируемую Хомяковым идею синтеза различных форм творческой деятельности, позволяющей ученому быть поэтом, а поэту обнаруживать в себе «прозаика». Вместе с тем, при таком подходе остается не вполне понятным, для чего Хомякову было необходимо разрабатывать одни и те же темы в различных областях творчества, насколько каждая сфера творчества для него в таком случае своеобразна и самоценна.

Вместе с тем возможен и другой, «обратный» подход: можно посмотреть на исторические сочинения Хомякова сквозь призму художественного мира его поэзии. При таком подходе мы будем не столько искать сходные темы в поэтических и исторических сочинениях, сколько попробуем увидеть распространение законов художественного мышления А. С. Хомякова за пределами его поэзии, в иных сферах его творчества. Наиболее интересно в этом отношении выявление взаимосвязей поэтических произведений Хомякова 1840–1850-х гг. и его незаконченного сочинения — «Записки о всемирной истории» («Семирамида»).

К началу 1840-х и особенно в 1850-е гг. одной из главных тем поэзии А. С. Хомякова становится тема общения, поиска «заветного слова», т. е. слова, которое способно сделать говорящего и слушающего единым целым, участниками подлинной диалогической встречи. Этой теме посвящены такие стихотворения, как «России» (1839), «К И. В. Киреевскому» (1847), «Кремлевская заутреня на пасху» (1850), «Вечерняя песнь» (1853), «Как часто во мне пробуждалась» (1854) и др. Чаще всего эта тема реализуется в аспекте поиска и обретения / невозможности обретения слова, обладающего воссоединяющей силой, как, например, в стихотворении «Как часто во мне пробуждалась»:

Молил Тебя в час полуночи,
Пророку дать силу речей, —
Чтоб мир оглашал он далеко
Глаголами правды твоей.
Молил Тебя с плачем и стоном,
Во прахе простерт пред Тобой,
Дать миру и уши, и сердце
Для слушанья речи святой!

Эта тема появляется у Хомякова еще в 1830-е гг., например в стихотворении «Иностранке» (1832):

При ней скажу я: Русь святая,
И сердце в ней не задрожит —

и становится ведущей на протяжении всего последующего творчества например в стихотворении «Кремлевская заутреня на Пасху» (1850):

Хоть вспомним ли, что это слово — братья —
Всех слов земных дороже и святей?

Не случайно в этот период в поэзии Хомякова наблюдается существенное увеличение количества слов тематической группы «речь», особенно глаголов говорения («призвал на брань святую», «скажите: мы люди свободны», «скажи им таинство свободы», «ты сказал нам:...», «чтоб мир оглашал он далеко», «не говорите: то былое...», «гордись, — тебе льстецы сказали...», «ты духа жизни допроси...», «в песне сольем голоса», «молитесь, кайтесь...», «плача и рыдая». Достаточно частотными словами оказываются у Хомякова: «мысль», «думы», «суд», «речь», «глас/голос», «плач», «стон», «песни», «слова», «писанья», или — выражения невербального общения: «во прахе простерт пред Тобой...», «с душой коленопреклоненной, с главой, лежащею в пыли, молись...», «обняв любовью своей», «сиянье веры им пролей»). Встречаются и индивидуально-авторские выражения («скажи им таинство свободы»). В некоторых стихотворениях поиск и обретение искомого слова реализуются на уровне сюжета, например в стихотворении «Вечерняя песнь»:

Братья, оставим работу земную,
В песне сольем голоса...

Особую роль в таком случае приобретает у Хомякова звукопись, поскольку «заветное слово» ищется и обретается, необходимые звуки накапливаются в потоке слов и прорываются в финале:

Всюду сияние солнца святого,
Божия мудрость, и сила, и слово —
Слава Тебе!

(«Вечерняя песнь», 1853)

Характерно, что «слово» и «сила» неоднократно оказываются у Хомякова в одном ряду. Слово мыслится как сила, способная соединять, преодолевать разрозненное, исцелять и преобразовывать отношения людей, однако для этого необходимо особое состояние души, как порождающей, так и воспринимающей такое целительное слово, а самое главное — «слияние голосов», поскольку именно в этом слиянии рождается слово, «живущее во множестве разумных творений». Тем самым, слово набирает силу по мере внутреннего роста говорящего и слушающего и их готовности преодолеть собственные границы, «слить» свой голос со множеством других. Сам же этот рост оусуществляется втайне, как некий закономерный этап внутреннего развития.

Впервые образ таинственного роста, набирания силы и последующего прорыва за собственные границы появляется в стихотворении «Ключ» (1835):

Но верю я: тот час настанет,
Река свой край перебежит,
На небо голубое взглянет,
И небо все в себя вместит.

Смотрите, как широко воды
Зеленым долом разлились,
Как к берегу чуждые народы
С духовной жаждой собрались... —

и затем остается постоянным, реализуясь в различных вариантах. Универсальная, выработанная еще в аграрной мифологии, схема «исчезновения — появления», связанного с набиранием силы — и ее бурным прорывом, становится ключевой для поздней поэзии Хомякова, реализуясь в наборе устойчивых мотивов, а также в отсутствии значимости границ и оформленности пространства в его художественном мире, поскольку они преодолеваются под воздействием прорыва вовне накопленных внутренних сил³.

С этой же семантикой связаны и образы внезапного прорыва растения из-под земли («Счастлива мысль, которой не светила»), или «пронзания очами» звездного неба, открывающего «бесконечность небес» («Звезды»), полета в «новой мысли эмпирей» («И. В. Киреевскому») и возвращения, тайного покаяния и внезапной готовности к бою против «слепых, стихийных, буйных сил» («России»)⁴.

Не случайно стихотворения Хомякова, как правило, завершаются прорывом, обнаруживающим избыток накопленной энергии — все становится неизмеримо, неисчислимо («Звезды-мысли, тьмы за тьмами, всходят, всходят без числа...»), необозримо («Широка, необозрима, шла народная толпа...»), бесконечно («Бесконечный свод небесный с лучезарной красотой...»). Важным является направленность этой силы вовне: накопленная внутри, она изливается за свои пределы, охватывая и преобразуя все на своем пути.

Вместе с тем особенно важно, что в 1840–1850-е гг. именно «слово» (иногда — «мысль») предстает в поэзии Хомякова как сила, которая долгое время зреет, формируется, и лишь достигнув определенного уровня, обнаруживается в мире, соединяя людей в единое целое. С этим связан устойчивый мотив «сокрытости до времени» источника этой силы и сам образ водного источника, который в определенный момент переполняется и изливается за собственные границы мощным потоком. Этот часто встречающийся мотив свидетельствует об элементах органицизма в религиозно-философской картине мира А. С. Хомякова. Поэтический мир Хомякова позволяет приблизиться к первоосновам его религиозно-философских построений, которые во многом остались нераскрытыми. Ведь «сила», данная Богом — народу, пророку, труженику, философу, — дана изначально, хранится, накапливается, растет и, наконец, прорывается вовне, — и потому это есть все же внутренняя природная сила, сила естества. И пробуждение, припоминание, соединение голосов, общение предстают у Хомякова как естественный процесс, латентно присутствующий в тех фазах, где он еще не очевиден. С этим связана во всех произведениях Хомякова роль авторского усилия, направленного на пробуждение «чуткого читателя», воссоединение с ним в единстве взаимного доверия и любви.

Рассмотрим, как реализуются эти особенности художественного мира А. С. Хомякова в его историческом сочинении — не столько на уровне тем и мотивов, сколько на уровне внутреннего устройства произведения.

«Семирамида», или «Записки о всемирной истории», — одно из самых непростых для осмысления произведений А. С. Хомякова. Впервые это заметил Ю. Самарин, описавший работу Хомякова над «Семирамидой» как процесс создания художественного произведения. Так, Самарин всячески подчеркивал стихийный характер творческого процесса: «...не ограничивая заранее предмета своих занятий, не задавая себе целью сочинить книгу, он втягивался в работу понемногу, и труд его, незаметно

³ См.: Непоклонова Е. О. Наследие Хомякова как целое // Христианское чтение. 2015. № 4. С. 217–242.

⁴ Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 65–87.

для него самого, разросся до огромных размеров⁵. Обыкновенно, отправляясь в деревню, он забирал с собою целую библиотеку летописей, словарей, новейших исследований и путешествий. <...> При необыкновенной силе его ума он одолевал весь этот сырой материал в течение лета, осени и начала зимы, и затем, почти не прибегая к выпискам, но полагаясь на свою громадную память, никогда ему не изменявшую, он заносил в особые тетради и в самой сжатой форме результаты, выработанные им из всего прочтенного. <...> Сам автор не озаглавил своей работы. <...> Записки... дошли до нас в том черновом, первобытном виде, в каком они постепенно разрастались под его пером»⁶.

Уже в этом описании Ю. Самарина очевидна неоднократно отмечавшаяся аграрная метафорика, схема «исчезновения — появления» автора, накопления сил и их внезапного обнаружения в рождающемся сочинении, которое «постепенно разрастается», будто бы само, стихийно и необратимо.

Желая, с одной стороны, заинтриговать читателей «Русской беседы» возможностью увидеть текст, не предназначенный для постороннего наблюдения, а с другой — оправдать «пестроту тем и отсутствие всякого видимого единства» при «глубоком единстве внутреннем», Самарин, вероятно, значительно преувеличил степень непредсказуемости, спонтанности формирования «Семирамиды», писавшейся, по его мнению, без плана, без четкого предмета, без подразумеваемого адресата. В духе славянофильских, а по существу — общеромантических, представлений «черновой, первобытный вид» текста, не подверженного разного рода формализациям, он попытался осмыслить как преимущество, а не как недостаток. Тем самым Самарин в своем предисловии следовал программным заявлениям Хомякова о критериях «истинного исторического исследования», сформулированным в начале «Семирамиды», и в первую очередь о первичности «художественного чутья истины» по отношению к другим познавательным способностям и установкам исследователя. Видимо, в контексте этой значимой для Хомякова идеи Самарин описывает процесс создания «Семирамиды» как «синтетический» (причем синтез различных форм познания осуществляется на художественной основе), и поэтому то, что принято считать недостатком в традиционном научном исследовании, превращается, по его мнению, в достоинство в сочинении Хомякова. В этом контексте даже упоминание об удалении Хомякова в деревню, сезонность его отъездов (исчезновения в деревне до весны), уединенное бдение над летописями, непредсказуемость результатов, отсутствие названия произведения (или его неясность), несвязанность частей, незавершенность текста, — все это в самаринском предисловии приобретает характерный романтический колорит⁷.

Словно впервые сталкиваясь с такой особенностью хомяковского текста, Самарин как будто с удивлением отмечает, что самые разные по значимости и объему «обзоры» и «разыскания... следуют одно за другим, без разделения на главы или периоды, без ссылок и указаний источников, без кратких повторений пройденного и вообще без всех тех общепринятых приемов и условий, которыми облегчается изучение труда, предназначенного для публики»⁸.

Вместе с тем наблюдения Ю. Самарина, касающиеся трудностей интерпретации «Семирамиды», до сих пор остаются актуальными. Во-первых, поиск альтернативной методологии, в которой, по замыслу Хомякова, должны сочетаться рациональное мышление и художественное «чутье истины», приводит к тому, что рассуждения автора в «Семирамиде» приобретают некоторую двойственность «контекста восприятия» из-за регулярных переходов от логических умозаключений к ссылкам на внутреннее (эстетическое и/или нравственное) «чутье истины», а также из-за значительного преобладания в произведении эмоционального восприятия изучаемых

⁵ Кошелев В. Алексей Степанович Хомяков: жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 68–79.

⁶ Русская беседа. 1860. Т. 2. Науки. С. 101–106.

⁷ Лясковский В. Алексей Степанович Хомяков. Его жизнь и сочинения. М., 1907. С. 63.

⁸ Русская беседа. 1860. Т. 2. Науки. С. 104.

явлений над их рациональным осмыслением. Так, например, характеризуя жизнь первобытных народов, Хомяков переходит от конкретных определений к образно-метафорическому описанию: «В темных образах, в темных сказаниях, в темных представлениях о чем-то сверхземном и безусловном, заключался какой-то слабый отголосок лучшего духовного быта, едва слышный в умственном сне племен, равнодушных к невидимому...»⁹.

Во-вторых, речь идет о многократно отмечавшейся исследователями сложности определения того круга текстов, на которые опирался Хомяков при создании «Семирамиды» и которые могли бы прояснить общий религиозно-философский и историко-культурный контекст произведения, позволили увидеть хотя бы вершину того фундамента, на котором строится его концепция мировой истории, и т. д. Известная привычка Хомякова свободно интерпретировать высказывания различных авторов, не ссылаясь на источники, а также способность выдавать собственные суждения за чужие и древние, — все это, как правило, делает текст «Семирамиды» библиографически непроницаемым. Вероятно, такая характерная черта хомяковских произведений связана с его особым отношением к авторскому слову, его статусу и роли в тексте, и не может быть объяснена обстоятельствами или особенностями характера (как пытались прокомментировать это Самарин и другие современники). Очевидно, что цитирование и любые другие отсылки к первоисточникам для Хомякова есть нечто излишнее, как излишне любое внешнее удостоверение истинности высказываемых идей. Ни логическая выверенность понятий и структуры текста, ни апелляция к авторитетным именам и источникам, ни какие-либо другие формы «внешнего» удостоверения истинности не входят в ценностную сферу создаваемого Хомяковым произведения.

Что же является гарантом истинности высказываемых идей?

«Слово истины, — пишет Хомяков в „Семирамиде“, — пробуждающее внутреннюю деятельность души и восстанавливающее ее стройную красоту, содержит в себе общечеловеческий характер, оно возвышает духовное существо учеников своих, но не налагает на них определенной и формальной печати».

Характеризуя такое «пробуждающее слово», Хомяков, по сути, описывает процесс создания художественного произведения, в котором эстетическая составляющая авторского высказывания оказывается первостепенной, возвышающей слушающих, но не вынуждающей, т. е. не ограничивающей их свободу принять или не принять сказанное.

Вместе с тем, как известно, столь же чуждой является для Хомякова и установка на высшую ценность индивидуального суждения, его независимость и новизну. Само противопоставление «индивидуальное — общее» оказывается для него неактуальным, поскольку главной целью, как он неоднократно подчеркивал в различных сочинениях, является Истина, не открывающаяся «множеству лиц в их личной отдельности», а постигаемая в опыте единения, в акте совместного, диалогически ориентированного познания. О том, что это одна из основополагающих мировоззренческих установок Хомякова, точка пересечения его экклезиологии и гносеологии, говорили многие исследователи (можно вспомнить, например, часто цитируемые строки из сочинения «Церковь одна»: «Церковь не есть множество лиц в их личной отдельности, но единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати»¹⁰, — и множество коррелирующих с этим тезисом высказываний о межличностном характере процесса познания, например часто встречающееся у Хомякова утверждение, что «познание истины дается лишь взаимной любовью»). Внимание исследователей, как правило, привлечено к содержанию приведенных высказываний Хомякова, между тем, не менее значимым представляется изучение проявлений этих установок автора в характерных особенностях построения его произведений, многие из которых приобретают черты художественно-эстетической деятельности.

⁹ Там же. С. 157.

¹⁰ Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. Т. 2: Работы по богословию. М., 1994.

Так, в контексте данной проблематики одной из главных задач «подлинного научного» исследования для Хомякова становится организация особого пространства общения автора и его собеседников, в котором оказывается возможным преодоление самодостаточности, субъективной замкнутости, — всего, что способствует разобщению, и прежде всего — предвзятости суждений, выражающих заранее, самостоятельно и окончательно сформированные позиции. Именно «предвзятость» как субъективно присвоенное, отдельно и наперед «взятое» знание, не нуждающееся в присутствии Другого для обретения Истины, — является одной из главных проблем, которые Хомяков стремится решить в своем произведении как теоретически, так и практически, на уровне внутренней структуры «Семирамиды».

Преодоление позиции самодовления автора и его собеседников — одна из основных задач, решавшихся как в устной полемике, так и на страницах сочинений Хомякова, являясь и темой его произведений, и предметом творческих экспериментов. Наиболее яркий пример произведения, где предвзятость суждений оппонента является основной проблемой обсуждения, — это известная статья Хомякова «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу речи отца Гагарина, иезуита».

В «Семирамиде» данная проблема не только решается на уровне содержания произведения, но и наиболее ярко отразилась на уровне его организации. Соотношение авторского Я и Мы, объединяющего автора и читателя, постоянно оказывается в зоне авторского внимания, определяя ход развития произведения не в меньшей степени, чем логика развития мысли. Хомяков конструирует авторское слово как вбирающее и отражающее множество других голосов, сливаясь с ними, окликаая, полемизируя как с живыми равноправными лицами — участниками общения. «Я знаю, — пишет Хомяков, — что много писано и рассказано об ужасах, сопровождавших возмущение народов против власти чужой; но я вызываю всякого беспристрастного судью, всякого читателя, у которого понятия не спутаны ложною системою, пусть они скажут, равнялись ли когда-нибудь преступления племени, освобождающего себя, с злодействами племени завоевывающего»¹¹, — за этой, на первый взгляд, обыкновенной риторикой обнаруживается выступающая на первый план сложно организованная структура диалогического общения автора, читателя и множества учитываемых иных точек зрения, причем эти точки зрения преимущественно звучат как голоса («Все, что ты видишь — это Зевс, — говорит греко-римлянин»¹², — так, например, Хомяков представляет обсуждаемое в произведении религиозное мироощущение древних). Та или иная позиция, переданная в «Семирамиде» как здесь и сейчас звучащий голос, тем самым включается в пространство общения, преодолевая временные, пространственные, культурные и прочие ограничения. Даже незначительные детали Хомяков представляет в форме вопросов и предполагаемых ответов; так, обсуждая происхождение полинезийцев, Хомяков замечает: «Об этом надобно спросить у любого живописца. Всякий из них, взглянув на этого колченогого дикаря, <...> скажет вам не обинуясь: это мулат из негра и финна. Но возможность еще не доказывает факта»¹³. В результате возникает ощущение множества звучащих голосов, среди которых пробирается автор, ведя за собой читателя; абсолютное доверие между ними становится залогом объективной оценки всех звучащих в произведении суждений. В процессе диалогического самоопределения автора и читателя относительно множества представленных в произведении голосов формируется то единое «Мы», к которому устремлено развитие «Семирамиды» как целого. Такое построение произведения напоминает неоднократно описанные Хомяковым особенности мирской сходки крестьянской общины, где свободно высказывались различные мнения до тех пор, пока единогласно не будет выбрано решение.

¹¹ Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. М., 1994. Т. 1. С. 117.

¹² Там же. С. 164.

¹³ Там же. С. 167.

Даже если допустить предположение Ю. Самарина о том, что Хомяков не предполагал публикацию своего произведения и писал для себя, то эту диалогическую интонацию можно охарактеризовать, пользуясь словами С. Трубецкого, как мысленный внутренний «собор со всеми». Так, вероятно, знаменитое высказывание С. Трубецкого могло бы принадлежать и Хомякову: «Сознание обще всем нам, и то, что я познаю им и в нем объективно, т. е. всеобщим образом, то я признаю истинным — от всех и за всех, не для себя только. Фактически я по поводу всего держу внутри себя собор со всеми. И только то для меня истинно, достоверно всеобщим и безусловным образом, что должно быть таковым для всех. Наше общее согласие, возможное единогласие, которое я непосредственно усматриваю в своем сознании, есть для меня безусловный внутренний критерий». Хомяков, отказываясь от авторитетной самодовлеющей позиции, сливая свой голос с воображаемым Мы, становится тем самым посредником между множеством голосов, как воплощенных в тех или иных освоенных им источниках, так и мыслимых в качестве потенциальных собеседников. Поэтому «Семирамида» построена как живой, эмоционально насыщенный разговор, полный вопросов, призывов, замечаний, адресованных воображаемым собеседникам прошлого и настоящего: ученым коллегам, друзьям, «мыслящему читателю», «последующим поколениям». Такая установка создает особый и всегда узнаваемый пафос хомяковских произведений, обусловленный ощущением «всеприсутствия», здесь и сейчас явленного многоголосия, и предчувствием возможности полного согласия. Слово Хомякова, пользуясь терминологией М. Бахтина, можно назвать «словом с оглядкой»¹⁴, только автор «Семирамиды» (в отличие от героев Достоевского) конструирует своего собеседника как принимающего и потому понимающего с полуслова, ситуация непонимания воспринимается как обратимая, кратковременная. В этой связи логическую «нев्यстроенность» «Семирамиды», ее лакуны и недоговоренности можно рассматривать как определенный знак доверия читателю-собеседнику, приглашение к общению, осуществляющемуся на основании глубокой взаимной открытости в процессе совместного поиска истины. Автор лишь намекает, шепчет, призывает и даже раздражает и смущает — т. е. провоцирует читателя как полноправного и необходимого участника познавательного процесса.

Вместе с тем, предоставляя читателю такую степень свободы, автор возлагает на него и большую ответственность, поскольку именно читателю предстоит найти связующие скрепы внутри произведения, припомнить множество имен, фактов, произведений, вступая в диалог с автором в поиске ответов на поставленные вопросы. Хомяков ни на минуту не оставляет читателя одного, с чем связана постоянная рефлексия в произведении по поводу полученных в совместном поиске ответов на поставленные вопросы, регулярное определение пройденных вех и дальнейшего исследовательского маршрута, по которому он ведет читателя. «Простой и беспристрастный разбор мифов и печати... навели нас на путь, по которому разрешились все вопросы, касающиеся духа древнего Севера», — обращается Хомяков к читателям, и затем поясняет дальнейший ход рассуждений, ориентируя читателей с помощью устойчивых указаний, например: «мы говорили уже об этом явлении», «этого обстоятельства не должно терять из виду» и т. д.

Такой непрерывный контакт с читателем позволяет Хомякову освободиться от необходимости строго логически выверять свое произведение (что было бы необходимо, если бы читатель был оставлен один на один с представленным материалом). Строгая логическая упорядоченность рационального мышления, его абстрактно-обобщенный характер, принятые в научных сочинениях, воспринимаются Хомяковым как своего рода компенсация отсутствия живого, целостного, непосредственно данного общения и достигаемого в процессе непосредственного обсуждения взаимопонимания. Невозможность или нежелание свободного обсуждения актуальных вопросов в реальном времени и пространстве привело, по его мнению, к формализации процесса познания

¹⁴ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб., 2015. С. 43.

на основе выработки общеобязательных критериев достоверности суждений, на основании которых каждый отдельный человек самостоятельно может прийти к выводам, очевидным для всех. В своем произведении Хомяков пытается воссоздать модель межличностного общения как условия познания. В контексте таких поисков альтернативных форм исторического исследования становится понятен особый интерес Хомякова к выработанным в истории национальным формам коллективного общения — в частности, к организации русской крестьянской общины, и в первую очередь мирским сходкам, модель общения в которых представлялась Хомякову близкой к идеалу. В «Семирамиде» Хомяков так же ищет стихийно сложившиеся типы мироощущения и общественного устройства, обращаясь к эпохе Древности. Как сам Хомяков признается в начальных главах «Семирамиды», тайная цель религиозная влечет историка к изучению прошлого, и в первую очередь — желание увидеть первоначальное единство человеческого рода. В этом фрагменте, весьма значимом для всего произведения, «единство» может быть понято и как единство происхождения, и как древнейший опыт органического «единства во множестве». Обращаясь к изучению древних религиозных представлений, Хомяков приходит к выводу, что «главный их характер определяется не числом богов и не обрядами богослужения и даже не категориями ума (знающего), но категориями воли. Свобода и необходимость составляют то тайное начало, около которого в разных образах сосредоточиваются все мысли человека. <...> В языке религии... свобода выражается творением, а необходимость — рождением». Знаменитое учение Хомякова об иранстве и кушитстве, лежащее в основе «Семирамиды», охватывает все сферы человеческого самоосуществления: от способов жизнеустройства до характера мышления. «Тайное учение о необходимости, — отмечает Хомяков, — проглядывало и пребывало во всех изменениях философической формы, будь она скепсисом или догмой, анализом или синтезом». Эти же начала свободы и необходимости обнаруживает Хомяков и в характере взаимоотношений, которые выстраиваются между участниками общения. Как неоднократно подчеркивал Хомяков в «Семирамиде», «свобода не имеет проявления, ибо закон проявленного есть необходимость». Подлинное познание выстраивается, по мнению Хомякова, на некой межличностной грани, оно всегда есть реальность, становящаяся в процессе общения, не данная наперед, и потому оно не может быть подвержено какой-либо формализации. Лучшей формой выражения такого процесса познания для Хомякова оказывается художественный образ, а не логическое построение, поскольку при всей своей эстетической завершенности образ оставляет незавершенным процесс интерпретации; наоборот, непротиворечивое сочетание множества интерпретаций, или объяснительных моделей, является залогом их подлинности, их единства во множестве.

Таким образом, становится очевидным, что законы художественного мира, обнаруженные в поэзии Хомякова, реализуются и в устройстве его исторического сочинения, прежде всего — на уровне организации диалогического общения с читателем и с воображаемыми собеседниками прошлого. Непрерывно становящаяся реальность общения организуется в «Семирамиде» с помощью многообразия точек зрения, представленных как равноправные голоса, звучащие в атмосфере диалогического принятия, живого эмоционального отклика.

Разрабатываемая Хомяковым — и в поэзии и в исторических сочинениях — онтология общения, таким образом, обнаруживается не только на уровне содержания его произведений, но и на уровне их организации, а также на отборе материала для рассмотрения, характере отношений автора и читателя и т. д., демонстрируя ведущую роль онтологии общения в его творчестве.

Источники и литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб., 2015.
2. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков. М., 1912.
3. Кошелев В. Алексей Степанович Хомяков: жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 68–79.
4. Ляковский В. Алексей Степанович Хомяков. Его жизнь и сочинения. М., 1907.
5. Непоклонова Е. О. Наследие А. С. Хомякова как целое // Христианское чтение. 2015. № 4. С. 217–242.
6. Русская беседа. 1860. Т. 2.
7. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. М., 1984. Т. 18.
8. Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. М., 1994.
9. Хомяков А. С. Стихотворения и драмы. Л., 1969.

Elena Nepoklonova. Aleksey Khomyakov's "Semiramis" in the Context of His Religious, Philosophical and Artistic Quests.

The article is devoted to the study of "Semiramis" in the context of the poetic heritage of Aleksey Khomyakov. The peculiarities of the organization of the author's dialogue with the reader in "Semiramis" and in the poetry of the 1840's-1850's are revealed, which makes the connections between the artistic world of Khomyakov's lyrics and the "image of the world" that is modeled in his historiosophical composition. The article reveals the themes, motifs and author's intentions that unite the poetry and historiography of Khomyakov, allowing the reader to approach an understanding of the author's worldview embodied in the various spheres of his creativity. The author shows that in his poetry and in "Semiramis", Khomyakov models a certain special communication environment that is able to bring together the author and the reader, help the reader overcome any pre-determined opinion, pretense and distrust, and feel the joy of seeking the truth in "unity of mutual love." In this connection, attention is paid in the article to the problem of organization in "Semiramis" and in the poetic works of dialogical relationships between the author and the reader, built in accordance with the understanding of communication as the main condition of true knowledge, characteristic of Khomyakov's work.

Keywords: Aleksey Khomyakov, Semiramis, poetry, Slavophilism, Slavs, dialogue, relationship of dialogue, Yuri Samarin, philosophy of history, theology, communion, unity.

Elena Olegova Nepoklonova – Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of the Department of Philological Education at the St. Petersburg Academy for Post-Diploma Pedagogical Education (elenaneocom@gmail.com).